

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

кандидат исторических наук

ВЕЧНАЯ ВОЙНА АМЕРИКИ

Из истории милитаризации США

Агрессоры и пацифисты

Еще задолго до того, как президент США Дуайт Эйзенхауэр заявил 17 января 1961 года о господстве “военно-промышленного комплекса в США”, высшие военные чины и фабриканты оружия занимали значительное место в руководстве страны. О роли военных свидетельствовало то обстоятельство, что 14 из 44 президентов США служили в армии. При этом немало из них достигли генеральских чинов, начиная с первого президента США Джорджа Вашингтона. О том, что в США всегда почетом были окружены военачальники и те, кто служил в армии, свидетельствуют сотни памятников генералам и целым дивизиям в столице страны.

И в то же время особым престижем в Америке военная профессия не пользуется. Сравнивая отношение европейцев и американцев к службе в армии, английский историк Макс Хастингс писал, что всегда “существовало... резкое различие в настроениях по отношению к военной службе “лучших и светлейших” умов среди молодых людей в Америке и в Европе. В Америке за пределами нескольких тысяч “военных” семей военная карьера никогда не была почетной в европейском духе”.

Во многом такое противоречивое отношение к военной службе объяснялось неодобрением американцами, во всяком случае значительной их частью, войн, которые вели США. При этом ряд американцев, особенно представлявших творческую интеллигенцию, обращали внимание на вопиющее противоречие между высокими идеалами общества, на которые всегда ссылались правители США, и циничными целями войн и гонки вооружений.

Многие видные писатели и деятели культуры США не раз выступали против агрессивных войн своего государства, обличая их несправедливый характер. После нападения США на Мексику в 1846 году известный писатель Генри Торо отказался платить налог в знак протеста против использования денег налогоплательщиков для ведения войны. Он был помещен в тюрьму, и когда его друг философ Ральф Эмерсон, навестив его, спросил: “Почему ты в тюрьме?”, Торо ответил: “А почему ты на свободе?” Выйдя из заключения, Торо написал памфлет “О гражданском неповиновении”, в котором резко осуждал войну против Мексики. Против этой войны высказались религиозные деятели. Священник Т. Паркер решительно выступил против “позорной войны” и осуждал всякого жителя Новой Англии, если он шел в армию, давал деньги на ведение войны или оказывал ей иное содействие. В ходе американо-мексиканской кампании возникло первое антивоенное движение в США.

Даже американские генералы, участвовавшие в американо-мексиканской войне, осуждали ее несправедливый характер. Генерал Улисс Грант писал: “Я считаю, что эта война была одной из самых несправедливых, которую когда-либо вела сильная страна против слабой”.

С антивоенных позиций выступила оппозиционная партия вигов. Газеты вигов писали: “Всему миру известно, что мы обманули Мексику, что мы — грабители... Кто добровольно вступает в армию или голосует за ассигнование хотя бы одного доллара на войну, предаёт... права человечества. Всякий житель Соединенных Штатов, достойный американской свободы, должен драться на стороне мексиканцев и низвергнуть подлых, низких... корыстных захватчиков”. Принадлежавший тогда к партии вигов А. Линкольн заявлял, что “кровь, пролитая в этой войне, обличает его подобно крови Авеля”.

Однако вскоре проявились противоречия в самом антивоенном движении. Несмотря на оппозицию, виги в Конгрессе поддержали военные расходы.

Объясняя это, Линкольн говорил: “... Коль скоро война началась и стала делом нашей страны... мы не можем выступить против войны”. Эта противоречивая позиция вигов способствовала тому, что правительство могло уверенно вести кампанию против Мексики. Подобные противоречия были характерны и для последующих антивоенных движений.

Во время американо-филиппинской войны в США вновь возникло антивоенное движение, еще более активное, чем во время американо-мексиканской войны. Была создана Антиимпериалистическая лига, в которой участвовали такие выдающиеся писатели, как Марк Твен, Генри Джеймс (последний заявил: “Пусть будут прокляты Соединенные Штаты за их подлое поведение на Филиппинских островах”), представители ряда профсоюзов и даже некоторые видные предприниматели, включая Эндрю Карнеги. Однако мотивы их выступлений были различными.

Представители американской интеллигенции были возмущены, прежде всего, вопиющим надругательством над моральными идеалами, в которые они искренне верили и которые проповедовали. В своем гневном фельетоне “В защиту генерала Фанстона” Марк Твен противопоставлял Вашингтона, Линкольна и Гранта генералу Фанстону, руководившему жестокими расправами над филиппинцами. Твен утверждал: “Его натуру всегда тянуло к моральному шлаку, как натуру Вашингтона — к моральному золоту... Он имел врожденную склонность к гнусному поведению... И вот теперь, — писал Марк Твен, — натура Фанстона... возвращается домой учить наших детей ПАТРИОТИЗМУ!.. Генерал станет для молодого поколения образцом, кумиром... Что нам делать, как бороться с этой катастрофой?”

Возмущение и страхи писателя были понятны, но, кажется, что он не замечал, что и до Фанстона американцы творили злодейские преступления по отношению к “туземцам”, в том числе и на американской земле. Писатель словно не желал видеть, что воспитание американцев на рассказах о честности Вашингтона, идеализация других “отцов американской нации” и всей американской общественной системы вели не только к некритическому, одностороннему освещению американской истории, но и порождали обманчивую уверенность в том, что американцы, воспитанные на идеалах демократии, свободы и гуманизма, защищены ими, как непробиваемой броней, что они в принципе не способны к злодейству. Это также порождало иллюзию того, что лишь Америка является носителем высшей морали, что всякий американец добродетелен от природы. Поэтому американцы, сталкиваясь с иными народами, не признавали за ними права на человеческое обращение. Несмотря на резкость, критика Марка Твена, Генри Джеймса и других представителей творческой интеллигенции не была глубокой, а потому она не оказала заметного воздействия на общественное сознание.

Антивоенные выступления ряда профсоюзов, а также левых общественных и политических организаций объяснялись, прежде всего, их борьбой против капиталистического строя, представлявшего собой заведомо аморальным и антигуманным. В то же время ряд профсоюзов выступал за войну, исходя из чисто корыстных соображений. Так, профсоюз типографов объявил, что поскольку присоединение новых земель будет означать увеличение публикаций на английском языке, то они приветствуют войну. Поддержал войну и профсоюз стекольщиков, заявив, что население вновь приобретенных колоний будет закупать оконные стекла. За войну выступил и профсоюз железнодорожников, объяснив, что отправка американских товаров в заокеанские

земли прибавит им работы. Моральные соображения отступали перед надеждой на материальную выгоду.

Еще до вступления США в Первую мировую войну в стране развернулось массовое антивоенное движение. Во главе стояла Социалистическая партия США, которая на съезде в Сан-Луи заявила, что декларация конгресса об объявлении войны — это “преступление против народа США”. Социалисты организовывали в разных городах страны массовые митинги, в которых участвовали десятки тысяч человек. 1 июля 1917 года по Бостону прошла антивоенная демонстрация под лозунгами: “Если это народная война, то зачем же вводить воинскую повинность?”, “Кто украл Панаму?”, “Кто раздавил Гаити?”, “Мы требуем мира!” По мере развертывания антивоенной кампании социалистов их популярность в стране резко возросла. Если в 1915 году кандидаты от социалистов получили 3,6% голосов в Чикаго, то в 1917 году — 34,7%.

В первые годы “холодной войны” многие американцы выступали против гонки вооружений, собирали подписи за запрещение атомного оружия, за прекращение войны в Корее. Мощное антивоенное движение охватило США в период войны во Вьетнаме. Ныне в Соединенных Штатах не прекращаются массовые выступления против войн в Ираке и Афганистане.

Однако если для многих американцев борьба против войны была проявлением их искренней веры в идеалы добра, то для немалой части их соотечественников она объяснялась боязнью служить в армии. Хотя с первых же дней существования Североамериканских колоний население обладало оружием и умело с ним обращаться, оно неохотно шло служить в армию. Знаменательно, что в ходе войны за независимость из общего населения 2 млн 700 тысяч в ряды революционной армии Джорджа Вашингтона первоначально вступило не более 5 тысяч человек. Помощник Джорджа Вашингтона и будущий министр финансов Александр Гамильтон писал в раздражении из штаба армии: “Наши соотечественники проявляют глупость осла и пассивность овцы... Они не готовы стать свободными... Если мы будем спасены, то нас спасут Франция и Испания”.

Электронная энциклопедия (“Википедия”) сообщает, что хотя “за восемь лет войны в рядах революционной армии прослужило в общей сложности до 250 тысяч человек, одновременно армия никогда не насчитывала более 90 тысяч человек... К началу войны... каждая колония обеспечивала собственную оборону с помощью местной милиции. Милиционеры были легко вооружены, плохо обучены и обычно не имели военной формы. Они служили лишь несколько недель или месяцев подряд, не желали удаляться от дома, и поэтому их нельзя было набрать для выполнения операций, которые длились продолжительное время”.

Между тем уже к 1775 году британские войска насчитывали 36 тысяч человек. Кроме того, англичане послали в Америку 30 тысяч наемников из германской земли Гессен. Наличие у англичан сильной, хорошо подготовленной и дисциплинированной армии позволяло им теснить милиционную армию Вашингтона. Гамильтон оказался прав. Без помощи войск Франции и Испании, а также иностранцев, служивших в американской армии, Соединенные Штаты не сумели бы обрести независимость.

Тяготы военной службы оказывались не под силу многим американцам. Немалые не боевые потери понесли американцы в ходе войны против Мексики 1846 года. Свыше 11,5 тысячи американских солдат (10% личного состава) умерло от разных болезней. К тому же около 12% были ранены или уволены из-за болезней. В “Википедии” говорится, что “ветераны Мексиканской войны продолжали страдать от тяжелых болезней, полученных в ходе войны. Поэтому число потерь можно довести до 25% в первые 17 месяцев войны. Общее же число потерь, возможно, достигло 35–40% от личного состава, если принять во внимание смерти, вызванные ранениями или болезнями в последующие годы. В этом отношении эта война стала самой тяжелой за всю американскую историю”.

Из школьных уроков истории мы помним, что перелом в гражданской войне между Севером и Югом был достигнут после того, как президент США Линкольн подписал прокламацию об освобождении всех рабов с 1 января 1863 года. В то же время в учебниках почему-то не говорилось, что незадолго до подписания прокламации Линкольн разрешил неграм служить в армии. К концу войны в составе сухопутной армии северян сражалось 186 тысяч негров (из них 134 тысячи были выходцами с Юга). Около 30 тысяч негров служили на

флоте, 250 тысяч – в тыловых частях. Говоря о роли негров в гражданской войне, историк Джеймс Макферсон писал: “Без их помощи Север никогда бы не выиграл войну так быстро, а может быть, и вообще не выиграл ее”.

Вероятно, для такой оценки есть основания. На Севере многие белые не были готовы проливать свою кровь за отмену рабства. На первых порах армия Севера набиралась добровольно, но затем власти были вынуждены ввести рекрутский набор по жребию. Как говорилось в “Истории XIX века”, написанной под редакцией французских историков Э. Лависса и А. Рамбо, “метание жребия вызвало кое-где серьезные беспорядки, а в Нью-Йорке даже настоящие мятежи”. В ходе мятежа в Нью-Йорке было убито и ранено около 1000 человек. “Те, на кого пал жребий, могли откупиться уплатой 300 долларов, но в 1864 году это право было уничтожено”.

Марк Твен несколько по-иному описывал, как рекруты освобождали себя от воинской повинности. В его рассказе “Любопытное происшествие” комендант военного форта, в котором зимой 1862–1863 года собирали новобранцев, говорит: “Несмотря на всю нашу предусмотрительность, половина набранных за день рекрутов смыкались от нас в первую же ночь. Рекрутам платили так щедро, что у новобранца, сунувшего часовому три-четыре сотни долларов, чтобы тот дал ему удрать, все еще оставалась на руках сумма, представляющая для бедного человека целое состояние”.

В литературе, прославлявшей поведение южан в годы гражданской войны (например, в романе “Унесенные ветром” Маргарет Митчелл), утверждалось, что воины Юга самоотверженно защищали родной край. Однако многие солдаты Конфедерации не отвечали таким идеализированным представлениям. Поэтому президент Конфедерации Дэвис писал в сентябре 1864 года: “Две трети наших солдат отсутствуют, и большинство из них без уважительных причин”. Очевидно, что “неумолимый эгоизм” и “страсть к удовольствию (comfort)” многих американцев, о которых писал еще А. С. Пушкин, плохо сочетались с тяготами военной службы, тем более в условиях жестокой войны.

Массовое дезертирство наблюдалось и в ходе последующих войн. Нежелание американцев служить в армии вновь проявилось после объявления президентом США В. Вильсоном войны Германии в 1917 году. Хотя требовался 1 миллион солдат, в армию записалось 73 тысячи человек. Созданный в США Комитет общественной информации развернул широкую агитацию за вступление в ряды вооруженных сил. 75 тысяч ораторов произнесли 750 тысяч четырехминутных речей в 5000 городах и селениях страны. Однако, как пожаловался член Национальной Гражданской Федерации, “ни рабочие, ни фермеры... не приняли участия в деятельности организаций по обеспечению обороны и безопасности страны и не проявили к ним интереса”.

Призыв военнслужащих проваливался. К концу лета около 330 тысяч новобранцев уклонились от явки на призывные пункты. 65 тысяч объявили, что они отказываются служить по религиозным убеждениям, и их направили на принудительные трудовые работы. Правительство было вынуждено ввести обязательную воинскую повинность.

Несмотря на популярность Второй мировой войны, американские солдаты и офицеры не отличались высоким боевым духом. Макс Хастингс отмечал: “Не может не удивлять то, что во время Второй мировой войны молодые англичане из привилегированных слоев общества все еще тяготели к пехотным и танковым полкам, в то время как американцы предпочитали более престижные назначения в авиации, в управлении стратегических служб, на административные должности в армии или в дипломатическом ведомстве. Служба в качестве офицера в боевых подразделениях на фронте так и не стала модной среди молодых американцев”.

Высшие английские генералы выражали беспокойство по поводу того, как поведут себя американцы в боях. После инспекционной поездки с генералом Эйзенхауэром 4 апреля 1944 года командер Бутчер писал в дневнике: “Меня беспокоит отсутствие стойкости и расторопности у молодых американских офицеров, которых я видел сегодня в ходе поездки. Это такая зелень, точно прорастающая пшеница. Как они будут себя вести в бою, и как они будут выглядеть через три месяца?”

Опасения британского военачальника не были напрасными. Характеризуя боевые сражения летом и осенью 1944 года, Макс Хастингс писал: “Очень немногие немецкие солдаты, даже из посредственных частей, испытывали

уважение к боевым качествам своих противников. Сержант Гейнц Хикман из парашютной дивизии Люфтваффе говорил: “Мы не видим в американском солдате достойного противника”... Ефрейтор Хоенштейн докладывал, что его солдаты все время удивлялись нежеланию американцев использовать наметившийся успех до конца: “Мы не могли понять, почему они не идут на прорыв нашей жидкой обороны. Солдат союзников, видимо, никогда не был обучен так, как учили нас, — всегда пытаться сделать больше, чем требовалось”.

Военные власти старались обеспечить солдатам и офицерам максимально комфортабельные условия. Вещевые мешки американских солдат были набиты всевозможными средствами гигиены и лекарствами, а также обильной едой. Макс Хастингс писал: “Ежедневный рацион каждого американского солдата в Нормандии составлял шесть с половиной фунтов против трех фунтов с небольшим у немецкого солдата”. При этом у американцев был определен “размер сладостей в одну унцию, бисквитов в две унции и один пакет жевательной резинки для каждого человека”. В результате американским солдатам было трудно проходить со своими туго набитыми вещевыми мешками там, где расстояние между стенами было невелико, и они ругали английские вагоны за слишком узкие двери.

И все же хорошо накормленные, защищенные всеми видами гигиены и находящиеся под присмотром медперсонала американские солдаты часто болели. Они болели не только на тропических островах Тихого океана, но и в Европе. Немецкий генерал и историк К. Типпельскирх объяснял прекращение наступления союзников в сентябре 1944 года на границе Германии не только упорным сопротивлением немецких войск, но и тем, что “американская пехота непрерывно несла значительные потери”, так как “многие выбывали из строя по болезни”.

То же самое повторилось и в ходе Корейской войны 1950–53 гг. Тогда из 54 589 людских потерь США на долю солдат, погибших в боях, пришлось 33 686 человек. Журналисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон в своей книге “Не стали ли США второсортной страной?” с огорчением признавали, что американские солдаты, оказавшись в северокорейском плену, проявили удивительную нестойкость. Хотя, разумеется, плен не был курортом, а к тому же пленные подвергались психологическому давлению с целью принудить их к сотрудничеству с северными корейцами, журналисты писали, что все 300 турецких пленников отказались принять чужое гражданство и все живыми и невредимыми вернулись домой. Среди же американских солдат немало перешло на сторону северных корейцев, а среди оставшихся немало скончалось от разных болезней, которые не затронули турок.

Потери от болезней американцев в ходе войны во Вьетнаме были так велики, что в статистике не выделяли тех, кто погиб в бою. В то же время эта война была отмечена особенно большим числом дезертиров и уклонившихся от воинской службы.

По существовавшей в США системе набора в армию, туда могли направить любого молодого человека в возрасте от 19 до 26 лет. Однако шансы уклониться от призыва не были равными. Исследователь поколения “бэби-бума” (рожденных в период с 1946-го по 1963 гг.) социолог Лэндон Джоунс писал, что молодые люди “оказались вовлеченными в дарвиновскую борьбу за выживание. Те, кто проигрывал, попадали во Вьетнам. Победители поступали в высшие учебные заведения, вступали в “Корпус мира”, находили расположенного к ним врача, который свидетельствовал о наличии астмы, имитировали сумасшествие или гомосексуализм, или записывались в резервные войска, или предпринимали различные унизительные приемы, чтобы избежать призыва... В своем исследовании вьетнамского призыва Лоуренс Баскир и Уильям Страусс подсчитали, что 15 миллионов — 60% поколения бэби-бума — можно назвать “уклонистами от призыва”. Один из “уклонистов” признавал: “Почти каждый парень в этой стране был или уклонистом, или потенциальным уклонистом, или уклонистом, который не сумел добиться своего”.

Служили во Вьетнаме, по словам Джоунса, “в основном бедные и незащищенные... Выпускники колледжей и средних школ имели больше возможностей уклониться от службы. Лишь 9% выпускников колледжей побывали в боях. У тех, кто не окончил среднюю школу, шансы быть призванными были в 4 раза больше, чем у выпускников колледжей, и в 2 раза больше стать участниками боевых действий... Выходцы из бедных районов Чикаго имели в 3 раза больше шансов погибнуть во Вьетнаме, чем выходцы из обеспеченных

районов... Хотя на долю черных в стране приходилось 11,6% населения, среди убитых во Вьетнаме в 1965 году их было 24%”.

Следствием вьетнамской войны стал отказ от обязательной воинской повинности. После ее отмены служба в армии стала прибежищем для многих, кто не мог хорошо устроиться на гражданской службе. Вследствие этого доля небелых американцев в армии существенно превысила их долю среди населения страны.

Как и прежде, в войнах конца XX и начала XXI века американских солдат отличали нежелание служить в сражающейся армии и неготовность нести тяготы воинской службы. Последнее проявлялось в значительном количестве психических заболеваний и самоубийств среди воинского персонала. Значительная часть солдат и офицеров одной из самых агрессивных держав мира проявляла неготовность к пребыванию в рядах вооруженных сил.

“Горе побежденным!”

Парадоксальное сочетание агрессивности Соединённых Штатов и стремления к комфорту американских солдат обусловило особенности американского стиля ведения войн. Как правило, американцы стремились выбрать в качестве объекта нападения наиболее слабого противника. Если же ситуация складывалась так, что им приходилось вступать в схватку с противником сильным, то США предпочитали объединяться в широкие коалиции. Только опираясь на союз с рядом иностранных держав, США сумели завоевать себе независимость. Даже в ходе нападения на крохотную Гренаду в октябре 1983 года США постарались выступить в составе коалиции с несколькими странами (правда, тоже крохотными).

Американские военные руководители старались обеспечить своим солдатам подавляющее превосходство над противником в численности и в вооружениях. Так повелось со времен войн против индейцев. Американцы были вооружены самым совершенным для того времени огнестрельным оружием; индейцы — луками, стрелами, томагавками.

В ходе американо-мексиканской войны 1846—1848 гг. войска США насчитывали 115 тысяч солдат, Мексики — около 20 тысяч. Американцы были лучше вооружены: у них были современные винтовки, мексиканцы же использовали британские мушкеты начала века.

С самого начала войны на Филиппинах 1899—1901 гг. 25-тысячная американская армия обладала численным перевесом. У республиканской армии Филиппин было всего 16 тысяч плохо обученных солдат. Особенно заметным был перевес в вооружениях. Американцы обладали самым современным оружием, включая пулеметы. В их распоряжении были военные суда, которые обстреливали побережье из артиллерии. Филиппинцы же были вооружены испанскими винтовками. Они ощущали нехватку боеприпасов, особенно обострившуюся к концу войны. Многие применяли лишь пики, луки и стрелы.

Вследствие того, что американцы всегда старались обеспечить себе подавляющее превосходство в живой силе и технике, они, как правило, добивались не только боевого успеха, но и того, что число потерь противной стороны существенно превышало количество их собственных жертв.

В то же время поголовное уничтожение противника было обусловлено не столько желанием сберечь своих солдат, но, прежде всего, стремлением обеспечить полное “освобождение” захваченных земель. Американский этнограф Рут Бенедикт писала, что первые колонисты “хотели получить земли индейцев, но без индейцев. Первые королевские дарственные грамоты на землю в Новом Свете даже не содержали упоминания о коренном населении, жившем на этой земле, словно речь шла о совершенно необитаемых пространствах. Поселенцы всячески старались как можно скорее создать для себя такое приятное положение”.

Приведу и свидетельство У. Фостера: “Белые колонисты превосходили индейцев жестокостью; они поголовно вырезали всё мирное население — мужчин, женщин и детей; пытали пленных, сжигали их на кострах, скальпировали”. Политика истребления местного населения исходила из принципа, который впоследствии сформулировал американский генерал Фил Шеридан: “Хороший индеец — это мертвый индеец”.

Американский историк Говард Зинн констатировал: “Выселение индейцев”, как это вежливо именовалось, освободило земли от Аппалачских гор до

Миссисипи, освободило их для хлопка на Юге, зерна на Севере, для расширения, иммиграции, каналов, железных дорог, новых городов, строительства огромной континентальной империи до Тихого океана. Нельзя точно измерить цену человеческой жизни. Нельзя даже приблизительно оценить цену человеческого страдания. Большинство из книг по истории... обходят эти вопросы. Статистика же гласит... в 1790 году было 3 900 000 американцев, и большинство из них жило на расстоянии 50 миль от Атлантического океана. К 1830 году имелось уже 13 миллионов американцев, а к 1840 году 4 500 000 из них пересекли Аппалачские горы и осели в бассейне реки Миссисипи... В 1820 году 120 000 индейцев жили к востоку от Миссисипи. В 1844 году их осталось менее 30 000. Большинство из них были вынуждены мигрировать в западном направлении”.

В 1830 году конгресс США принял закон о “выселении индейцев”. По этому закону индейцы подлежали переселению на земли к западу от Миссисипи. Племя чоктау одним из первых согласилось покинуть свои земли. В книге “Лишенные наследства” историк Дейл Ван Эвери рассказывал: “Сопровождаемые охраной...они шли по пути к неизвестной и безрадостной цели, как стадо овец”. В первую же зиму многие погибли от воспаления легких, вызванного переохлаждением. Летом холера унесла новые жертвы.

А вскоре, как писал У. Фостер, “на Запад потянулись одни за другим индейские племена: сенеки, шоуни, виандоты, оттавы, крики, виннебаги, поттаватомы, саки, лисицы, кикапу, делавэры, чиппеуа и многие другие. Их скорбная процессия направилась из родных мест через Миссисипи в неведомые края. Но это не удовлетворило белых иммигрантов, стремившихся ускорить выселение индейцев. Скопившись у границ территории, которая еще оставалась за племенем саков у Рок-Ривер в Иллинойсе, колонисты внезапно вторглись туда. Они захватили эту землю, воспользовавшись отсутствием воинов, которые ушли на ежегодную охоту”.

Правда, как отмечал У. Фостер, “в 1832 году в Иллинойсе и Висконсине нещадно теснимые индейцы дали еще один отчаянный арьергардный бой; это была так называемая война Черного Сокола... Черный Сокол повел свой храбрый народ на борьбу с белыми и очистил весь Иллинойс, от Чикаго до Галены. Все же исход этой борьбы был предрешен, и вскоре Черный Сокол отправился со своим племенем в скорбный путь на Запад. Огромная территория, лежащая между Аппалачскими горами и рекой Миссисипи, отнятая у индейцев в период между войной за независимость и гражданской войной, была разделена на десяток штатов”.

Аналогичным образом вытеснялись индейцы и в южных штатах. По словам У. Фостера: “Президент Джексон, питавший неистребимую вражду ко всем индейцам, твердо решил согнать чероки и криков с их земли и прогнать их за Миссисипи. В конце концов он добился своего... В мае 1838 года генерал Уинфилд Скотт с отрядом в 7 тысяч человек окружил основную массу индейцев обоих племен и погнал их на Запад. Этот долгий переход был одной из величайших трагедий в истории Америки. Из 14 тысяч изгнанников в пути погибло 4 тысячи. Индейцы назвали этот путь “дорогой слез”. В декабре 1838 года 8-й президент США Мартин Ван Бурен (1837–1841) сообщал конгрессу: “Я с искренним удовольствием сообщаю конгрессу о полном выселении индейского народа чероки в их новые дома к западу от Миссисипи. Меры, которые одобрил конгресс на последней сессии, увенчались счастливым концом”.

И во второй половине XIX века индейские племена продолжали загонять в резервации, границы которых были, как правило, расчерчены прямыми линиями. Крупнейшей резервацией стала “Индейская территория” (затем превращенная в штат Оклахома). По словам Говарда Фаста, “Оклахома оставалась островом на континенте”. Туда загоняли индейские племена. Когда же не выдержавшие медленной смерти от голода в пораженной засухой Оклахоме индейцы в 1878 году попытались покинуть эту резервацию, их после многих дней преследования вновь вернули в этот гигантский концлагерь (этим событиям и посвящен роман Г. Фаста “Последняя граница”).

Поразительным образом, хотя история геноцида США против индейского населения страны широко известна, мало кто задумывался, что изгнание и уничтожение индейцев творили люди, убежденные в том, что они являются самыми правоверными христианами на планете, что им глубоко чужды и противны “языческие” нравы, описанные в библейских текстах. Изучая с детства еще в воскресных школах тексты Ветхого завета или стихи на ветхозаветные

темы (описывая выпускной вечер в школе, где учился Том Сойер, Марк Твен замечал, что стихотворение “Ассирияне шли” было непременной частью декламационного школьного репертуара), американцы приучались видеть в злодеяниях древних ассирийцев крайнее проявление жестокости.

Такую репутацию этот древний народ приобрел, в частности, и потому, что его правители жестоко расправлялись с покоренными народами и изгоняли их с родных мест. В первом томе советской “Всемирной истории” сказано, что “за период с 883 по 876 г. до н. э. на территориях, отошедших к Ассирии, было физически истреблено или обращено в рабство не менее трети взрослого мужского населения... Оставшееся население ввиду полного разорения хозяйства и непомерных поборов в пользу Ассирийского государства было обречено на голод и вымирание”. Там же говорится, что в первый год правления Саргона (722–705) по его приказу более 27 тысяч израильтян было изгнано с родины и “поселено в Северную Месопотамию, Ассирию и Мидию”.

Совершенно очевидно, что действия американцев в отношении индейцев намного превосходили злодеяния древних ассирийцев по своим масштабам. Однако американцам и в голову не приходило, что между ними и злодеями из древней Ассирии, которыми они привыкли возмущаться, не было никакой разницы. Очевидно, убеждение в том, что, заучив тексты Ветхого и Нового завета, они обрели иммунитет от подобных злодеяний и даже стали антиподами “ассирийского” зла, ослепило американцев, не позволяя им видеть собственные зверства. Это вело к тому, что мир не застрахован от повторения американцами “ассирийских” расправ с другими народами и в дальнейшем.

Знаменательно, что опыт обращения американцев с индейцами был затем использован нацистами. Автор биографии Гитлера американский историк Джон Толанд писал: “Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления – голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил”.

С такой же жестокостью расправлялись американцы и с другими народами мира, которых они рассматривали как досадное препятствие на пути своей цивилизации. Рассказывая о ходе американо-филиппинской войны 1899–1901 гг., корреспондент филадельфийской газеты “Леджер” писал из Манилы в ноябре 1901 года: “Нынешняя война – это отнюдь не бескровное представление вроде оперы-буфф. Наши люди безжалостны. Они убивают, чтобы истребить, мужчин, женщин, детей, пленных и захваченных мирных жителей, активных партизан и людей, заподозренных в симпатиях к партизанам. Хватают всех подряд, даже 10-летних детей. Здесь убеждены в том, что филиппинец хуже собаки... Наши солдаты вливали в горло людей соленую воду, чтобы заставить их давать показания. Они брали в плен людей, которые поднимали руки вверх и мирно сдавались. Хотя не было ни единого свидетельства того, что они – повстанцы, их через час ставили на мост и расстреливали, бросая в воду, чтобы их телаплыли по реке, а люди видели их пробитые пулями трупы”.

Капитан из Канзаса свидетельствовал: “Считалось, что в Калоокане было 17 тысяч жителей. Но вот по нему пронеслась 20-я канзасская дивизия, и теперь в Калоокане нет ни одного живого жителя”. Рядовой из той же дивизии писал, что он “собственной рукой поджег 50 домов филиппинцев... Женщины и дети были убиты нашими пулями”. В письме солдата на родину, которое было опубликовано в газете “Паблик опинион” (город Декора, штат Айова), говорилось про один из боев на Филиппинах: “В живых мы не оставили никого. Раненых приканчивали на месте штыками”.

Приказы о тотальном уничтожении мирного населения исходили и от высшего начальства. Майор Уоллер сообщал, что в ходе операции на острове Самар генерал Смит приказывал ему убивать и жечь. Смит пояснил, что чем больше будет убито и сожжено, тем будет лучше, так как не надо будет брать в плен. Когда майор спросил генерала, как определить возраст, с какого можно убивать, ему был дан ответ: “Убивать всех с 10 лет и старше”.

Генерал говорил, что надо превратить остров Самар в голую пустыню. По свидетельству другого американского генерала, одна шестая часть жителей самого населенного острова архипелага – Лусон погибла после начала войны. 10-миллионное население архипелага уменьшилось на 1 миллион в ходе трехлетней войны.

В ходе своей глобальной экспансии американцы подвергали тотальному уничтожению отдельные поселения и целые области стран Дальнего Востока и Латинской Америки. И вновь использовались “ассирийские” методы. Рассказывая о военных действиях американцев в Никарагуа в конце 20-х – начале 30-х годов против народно-освободительного движения во главе с генералом А. С. Сандино, советский историк С. А. Гонионский писал: “Чтобы запугать население департаментов Сеговии, активно помогавшее сандинистам, оккупанты подвергали жестоким пыткам и истязаниям. Они отрубали повстанцам руки, чтобы они никогда не смогли пользоваться оружием. Еще более жестоким было убийство пленных следующим методом: жертву привязывали к дереву, затем сильным ударом мачете отрубали верхнюю часть головы и тут же развязывали веревки – труп валялся на землю... Ослепленные злобой палачи применяли еще и другой способ, называвшийся... “разрез жилета”: жертве отрубали голову и обе руки, а затем вспарывали живот. Применялся также такой способ: жертве отрубали руки и ноги и оставляли истекать кровью”. И здесь оккупанты были не оригинальны: ассирийцы в настенных рельефах IX века до н. э. запечатлели подобные казни своих пленных. Вольно или невольно, но имперская логика заставляла американцев следовать методам истребления других народов, которые существовали еще в древней Ассирии, а затем многократно повторялись в разных империях, покорявших другие страны и народы.

В ходе военных действий в Никарагуа американцы первыми в мире использовали боевые самолеты для массированных бомбардировок, уничтожавших мирных жителей. В июле 1927 года началось наступление американцев на повстанцев, удерживавших никарагуанский город Отокаль. Против 100 солдат патриота Сандино было двинуто 400 американских солдат и 200 солдат Национальной гвардии Никарагуа, управлявшейся американскими офицерами. Семь американских самолетов на бреющем полете расстреливали крестьян и жителей Отокаля. 300 мужчин, женщин и детей были убиты, более ста были ранены.

В ходе Второй мировой войны американцы активно прибегали к бомбардировкам с воздуха. Это позволяло им нанести столь существенный урон противнику, чтобы тот уже не мог оказать серьезного сопротивления на земле. Так американцы избегали потерь в наземных боях. В ходе операций на Тихом океане американцы неделями бомбили острова, занятые японскими солдатами, прежде чем приступали к десанту. Нет сомнения в том, что бомбардировки англо-американской авиации, которые наносили немалый урон военно-промышленному потенциалу Германии и ее союзникам, внесли существенный вклад в общую победу над ними.

В то же время очевидно, что многие подобные акции сопровождались громадным числом жертв среди мирного населения. Жестокие бомбардировки Дрездена, Гамбурга и других городов Германии привели к гибели сотен тысяч мирных жителей.

Видимо, узнав о границах будущих оккупационных зон, военные руководители союзников решили нанести удар по немецким городам, которые входили в советскую зону оккупации, хотя они и не имели военного значения. Через два дня после завершения Ялтинской конференции 13 февраля англо-американская авиация устроила массированный налет на город-музей Дрезден, в результате которого погибло 130 тысяч человек. В своем романе “Дом для бойни номер пять” Курт Воннегут, оказавшийся в дрезденском лагере для военнопленных, лаконично писал: “Дрезден представлял собой один большой костер. Этот костер съел всё органическое, всё, что может гореть... Когда американцы и их охранники вышли наружу, небо было черным от дыма. Солнце было крохотной сердитой точкой. Дрезден теперь был таким, как Луна, на нем ничего не было, кроме минералов. Камни были горячими. Все остальное вокруг было мертвым”.

В том же году еще более жестокое побоище было устроено в Японии. Художники Ири и Тосико Маруки, ставшие очевидцами бомбардировки в Хиросиме 6 августа 1945 года, свидетельствовали: “Ослепительная зеленоватая вспышка, взрыв, сознание подавлено, волна горячего ветра, и в следующий момент все вокруг загорается. Тишина, наступившая вслед за грохотом ни с чем не сравнимой, дотоле неслыханной силы, нарушается треском разгорающегося огня. Под обломками рухнувшего дома гибнут люди, гибнут в огненном кольце очнувшиеся и пытающиеся спастись... Миг – и с людей падает

вспыхнувшая одежда, вздуваются руки, лицо, грудь, лопаются багровые волдыри, лохмотья кожи сползают на землю... Это привидения. С поднятыми руками они движутся толпой, оглашая воздух криками боли. На земле грудной ребенок, мать мертва. Но ни у кого нет сил прийти на помощь. Оглушенные и обожженные люди, обезумев, сбились ревушей толпой и слепо тычутся, ища выхода... Ни с чем не сравнимая, трагическая картина: люди утратили последние признаки человеческого разума... На искалеченных людей хлынули черные потоки дождя. Потом ветер принес удушающий смрад”.

В Хиросиме сразу же погибло 240 тысяч человек. Число уцелевших, но пострадавших от взрыва составило 163 тысячи. Через три дня такому же испытанию был подвергнут город Нагасаки. Общее число убитых и раненых в этом городе составило около 75 тысяч человек.

А уже 9 октября 1945 года комитет начальников штабов США подготовил секретную директиву 1518 “Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США”, которая предполагала нанесение Америкой превентивного атомного удара по СССР. Генерал армии Дуглас Макартур, посылавший восторженные приветствия Красной Армии в феврале 1942 года, теперь готовил планы нападения на своего недавнего союзника. В ноябре 1945 года он говорил английскому фельдмаршалу А. Бруку: “Мы должны готовиться к войне и собрать по крайней мере тысячу атомных бомб в Англии и Соединенных Штатах. Нам следует подготовить безопасные аэродромы, укрыв их в горных туннелях, для того чтобы обладать способностью действовать из Англии, даже если она сама подвергнется ударам. На Тихом океане, используя новые сверхбомбардировщики... мы должны напасть на Россию из Америки с перезаправкой на Окинаве”.

По мере быстрого накопления атомного оружия в США 14 декабря 1945 года была подготовлена новая директива № 432/d комитета начальников штабов, в приложении к которой были указаны в качестве объектов атомной бомбардировки трасса Транссибирской магистрали и 20 городов СССР: Москва, Ленинград, Горький, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Тбилиси, Куйбышев, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Новокузнецк, Ярославль, Иркутск, Грозный. Всего предполагалось использовать 196 атомных бомб. Рекомендовалось развязать войну как можно скорее, до того, как СССР создаст собственное атомное оружие и стратегическую авиацию.

В документе Объединенного разведывательного комитета 329 от 3 ноября подчеркивалось: “Одной из особенностей атомного оружия является его способность уничтожить скопления людей, и эту способность следует использовать в сочетании с иными его качествами”. Эти рекомендации предлагались после того, как стало известно про уничтожение сотен тысяч людей ядерным взрывом, про то, как слезала кожа с обожженных японцев, про толпы обезумевших от боли людей, про мучительную гибель десятков тысяч людей от лучевой болезни. Опыт Хиросимы и Нагасаки лишь убедил американских военных в том, что масштабы применения атомного оружия должны возрасти многократно, а в огненную геенну должны быть ввергнуты их вчерашние союзники, которыми они недавно так восхищались. Однако убеждение в том, что ничто не должно стоять на пути американской цивилизации, не оставляло у военных США ни тени сомнений в их правоте.

В последующем американские планы бомбардировок нашей страны постоянно дополнялись, уточнялись и расширялись. Как рассказал А. Браун, автор книги “Дропшот. Американский план войны против СССР в 1957 году”, американские военные подготовили в конце 1949 года очередной план нападения на СССР под названием “Тройан”. Предусматривалось сбросить на различные промышленные объекты в 100 советских городах 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб. Для этого предполагалось осуществить 6 тысяч самолето-вылетов. Группе генерала-лейтенанта Д. Хэлла предложили проверить в ходе штабных игр шансы выведения из строя девяти стратегических районов (Москвы, Ленинграда, Урала и т. д.).

Подсчитали, что вероятность достижения целей составят 70%, а потери личного состава бомбардировщиков составят 55%. По словам Н. Н. Яковлева, перед американскими военными встал вопрос: “Сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время Второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 по 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20%, или

20,6%, самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55%!”.

Н. Н. Яковлев обращал внимание и на ряд других соображений, которые приходили в голову американским военным: “По ряду технических обстоятельств воздушное нападение на СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры – она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания, приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока”. И. Браун приходил к выводу, что превентивная война против СССР не могла быть развязана: “Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949–1950 годах. Стратегическая авиация **не могла** в то время нанести России один непоправимый удар”.

Как обычно, Соединенные Штаты предпочитали не воевать против сильного противника, который мог нанести ответный удар и при этом погубить немало их военнослужащих. Поэтому США нападали на более слабых союзников СССР.

В 1950 году началась американско-корейская война. В “Википедии” говорится: “Американские военно-воздушные силы прибывали в огромном количестве, совершая по 40 налетов в день против наземных северокорейских частей и производя широкомасштабные разрушения среди гражданского населения и городов. Стратегические бомбардировщики (главным образом Б-29, базировавшиеся в Японии) перекрыли движение по железным и шоссейным дорогам днем и разрушили 32 главных моста, необходимых как для подвоза военных грузов, так и эвакуации гражданских лиц... По всей Корее американские бомбардировщики разрушали склады, сравнивали с землей целые города и их население, уничтожали нефтеперерабатывающие заводы, морские порты, в которые поступали военные грузы, а также продовольствие и лекарства. Военно-морские силы атаковали транспортные узлы. снабжение Северной Кореи ухудшилось, возникли перебои с продовольствием и снаряжением”.

Вскоре после захвата значительной части КНДР американские интервенты и их союзники устроили настоящую резню на оккупированной территории. Позже были опубликованы материалы Международной комиссии по расследованию преступлений интервентов на севере Кореи, в которых приводились факты чудовищных расправ с мирным населением. Впрочем, и “Википедия” признает: “Южнокорейские военные, полицейские и полувойсковые формирования с ведома американских военных уничтожали десятки тысяч “симпатизировавших коммунистам” в ходе таких случаев, как “резня в Дэдждоне”. Тела убитых часто бросали в общие могилы. По оценке американского дипломата, работавшего в то время в Корее, таких жертв было около 100 тысяч”.

Многочисленные жертвы среди военных и мирных жителей Северной Кореи были вызваны широким применением напалма. И все же, несмотря на явное преобладание в современной технике уничтожения и безжалостность в ее применении, американцы позорно бежали с севера Корейского полуострова.

Всего в КНДР погибло 1,13 миллиона человек, или 11,1% населения. Было уничтожено более 80% промышленных предприятий и транспортных структур, три четверти государственных учреждений и до половины жилых зданий республики. Корейский народ стал жертвой, принесенной во имя экспансионистских планов США и поддержания высокой экономической конъюнктуры.

В стремлении сломить сопротивление народов Индокитая Соединенные Штаты использовали против них самые жестокие боевые средства, запрещенные международным правом. Деревни выжигались напалмом. В Южном Вьетнаме было применено 15 различных химических веществ для уничтожения посевов, плантаций культурных растений и древесно-кустарниковой растительности. Гербициды применялись в виде различных смесей. Они получили

названия в зависимости от окраски контейнеров: “белая”, “голубая”, “розовая”, “алая”, “зеленая”. Самой ядовитой считалась “оранжевая”. Она была с самым высоким содержанием диоксида. Чтобы вызвать уничтожение лесов, применялись искусственно провоцируемые ливни, которые смывали почвенный слой. Эти действия наносили огромный ущерб экологии страны. Кроме того, гербициды отравляли людей. Многие умирали от болезней, вызванных отравлением.

Против людей применяли отравляющее вещество CS, в том числе в ручных гранатах, ракетах, бомбовых кассетах, пластиковых канистрах. С помощью CS людей “выкуривали” из убежищ, пещер и иных укрытий.

За 14 месяцев бомбардировок (с февраля 1969-го по апрель 1970 гг.) американцы сбросили 2 750 000 тонн бомб на Камбоджу, то есть больше, чем было сброшено бомб союзниками за всю Вторую мировую войну.

По приблизительным оценкам, в результате американской агрессии в Камбодже было уничтожено 50 тысяч мирных жителей, в Лаосе — около 700 тысяч, во Вьетнаме (Северном и Южном) — от 2 до 5 миллионов человек.

Большие потери в личном составе, беспрецедентный размах антивоенного движения и военно-политическое поражение США в Индокитае, сопровождавшееся крушением проамериканских режимов в Южном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе в 1975 году, привели к появлению так называемого “вьетнамского синдрома”. Некоторое время США воздерживались от вовлечения в агрессивные войны, если не считать нападения на Гренаду в 1983 году. Однако “Война в Заливе” 1990 года свидетельствовала о том, что “вьетнамский синдром” преодолен.

Летом 1990 года иракский президент Саддам Хусейн объявил о намерении присоединить Кувейт к Ираку. Следует заметить, что границы Ирака, а также Кувейта и других бывших колоний Англии в Персидском заливе были результатом раздела Османской империи после Первой мировой войны. Правительство Ирака не признавало суверенитет Кувейта после провозглашения им независимости, считая эту небольшую, но богатую нефтью страну частью иракской территории. 2 августа 1990 года иракские войска вторглись в Кувейт и оккупировали его.

До этого США активно сотрудничали с правительством Ирака, поставляя ему вооружение, в том числе химическое оружие. Эти военные поставки использовались Ираком в его войне против Ирана — яростного врага США после победы в Тегеране исламской революции 1979 года. Однако, как отмечалось в “Википедии”, “прямая заинтересованность западных держав в снабжении нефтью Среднего Востока означала, что было нежелательно, чтобы Ирак доминировал над большей частью этого снабжения”. Эти соображения, а не забота о суверенитете Кувейта стали главной причиной перехода Вашингтона от дружбы с Ираком к подготовке военного нападения на эту страну.

Уже 2 августа США стали размещать свои войска на южной границе Ирака. К ним вскоре присоединились войска Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива и других стран так называемой коалиции. Постепенно численность американских войск на границах Ирака была доведена до 575 тысяч. В распоряжении войск антииракской коалиции имелось 3400 танков, 3700 артиллерийских орудий, 4000 БТР, 2000 вертолетов, 2600 самолетов и 94 военных судов, включая 6 авианосцев. Им противостояла иракская армия: 400 тысяч солдат и офицеров, 4500 танков, 4000 БТР, 3000 артиллерийских орудий.

Большое число стран, принявших участие в войне, объяснялось давлением на них США. Правда, они ссылались на то, что Ирак нарушил суверенитет Кувейта, оккупировав его. В то же время в США не было иллюзий насчет подлинных целей войны. Как отмечается в книге К. Г. Мяло, “Россия и последние войны XX столетия”, в ходе опроса, проведенного газетой “Вашингтон пост” и телекомпанией Эй-би-си в начале кризиса вокруг Кувейта, 63% опрошенных считали, что “отправка американских войск в Персидский залив вызвана стремлением Буша установить контроль над крупнейшими нефтяными регионами, чтобы не допустить резкого подъема цен в условиях уже начавшегося спада в американской экономике”.

В США развернулось антивоенное движение под лозунгом “Не будем проливать кровь ради нефти”. Хотя движение не достигло масштабов антивоенной кампании времен вьетнамской войны, решение в конгрессе в пользу войны было принято 12 января 1991 года с небольшим перевесом (52 “за” и 47 “против” в сенате; 250 “за” и 183 “против” в палате представителей).

16 января 1991 года военно-воздушные силы Соединенных Штатов начали бомбардировку Ирака. Так началась военная операция “Буря в пустыне”. В первую же ночь только с линкора “Висконсин” по Ираку было выпущено 150 ракет “Томагавк”. Саудовский генерал Халед писал, что за первый час войны произошло 200 налетов, за первый день – 900, за первую неделю – 4000. К. Г. Мяло обращала внимание на то, что “налеты продолжались с той же интенсивностью, несмотря на то, что в первые же часы была разрушена система ПВО, считавшаяся самой мощной на Ближнем Востоке (16 тысяч ракет класса “земля–воздух”, 10 тысяч зенитных орудий, 700 самолетов)”.

Несмотря на тяжелейшие потери, иракские части пытались перейти в наступление и 29 января овладели небольшим городом Кхафджи в Саудовской Аравии. Лишь после пяти недель интенсивных бомбардировок солдаты коалиции начали 24 февраля наступление на позиции иракских войск. В ходе наступления американцы прибегли к так называемой “атаке бульдозерами”. Тысячи солдат иракской армии были заживо погребены в своих окопах и траншеях.

27 февраля войска коалиции заняли столицу Кувейта. 28 февраля Буш объявил о завершении военных действий. Восстановление власти эмира в Кувейте сопровождалось многочисленными репрессиями по отношению к тем, кто поддержал иракскую армию. Более 400 тысяч людей (прежде всего выходцев из Палестины) было изгнано из страны.

Война обошлась США в 61 млрд долларов. В ходе боевых действий американцы потеряли 147 убитыми, 235 погибло по другим причинам. Раненых было около 1000. Однако из всех, кто находился в войсках США в зоне боевых действий, 183 тысячи человек были признаны “инвалидами” департаментом по делам ветеранам. До 30% из 700 тысяч мужчин и женщин, находившихся в составе вооруженных сил США в Персидском заливе, и через 10–15 лет после окончания войны продолжали испытывать болезненные симптомы, природу которых врачи не смогли точно определить и назвали “синдромом войны в Заливе”. Не исключено, что, как и во Вьетнаме, США прибегали к химическому и биологическому оружию, которое поражало и собственные войска. Указывали и на то, что США использовали в бомбах необогащенный уран, который вызывал радиацию.

Главные жертвы понес иракский народ. Ссылаясь на разные источники, К. Г. Мяло писала: “На протяжении 43 дней Ирак подвергался бомбардировкам, не имеющим прецедента в истории”. Она указала, что было сброшено 88500 тонн авиабомб, а число погибших, по оценке Пентагона, только в результате авианалетов было около 100 тысяч человек. Однако, по мнению французского генерала Галуа, погибших от авианалетов было около полумиллиона. “Стоит ли удивляться, – писала К. Г. Мяло, – что специальная комиссия ООН, оценивая состояние Ирака после войны, пришла к выводу: в результате бомбардировок, обстрелов, наземных сражений Ирак находится в состоянии, близком к “апокалиптическому”, и отброшен в “доиндустриальную эпоху”.

К. Г. Мяло подчеркивала: “Не следует думать ... что такое разрушение потенциала развития страны, ставшей первой, – но отнюдь не последней – жертвой карательных акций безнаказанно действующей *сверхдержавы*, явилось следствием лишь случайных попаданий. Случайно не могли быть разрушены не только мосты, автомобильные и железнодорожные трассы, но и все электростанции, вследствие чего перестали работать системы водоснабжения и канализации, а страна оказалась под угрозой парализации всей жизнедеятельности. Здесь скорее можно говорить о *новом типе военного воздействия*, а именно: об обеспеченной как техническим превосходством, так и полной правовой и нравственной бесконтрольностью возможностью *манипулировать историческим временем*, искусственно моделируя те цивилизационные разрывы, которые существовали между “белыми” и туземцами в эпоху первого колониального раздела мира”.

Через 9 лет американцы и их союзники развязали полномасштабную войну в Европе, где подобных войн не было в течение полувека. 23 марта 1999 года Югославия отказалась подписать документ, ущемляющий ее суверенитет, и переговоры в Рамбуйе по урегулированию конфликта вокруг Косово были прерваны. В ночь с 24 по 25 марта 1999 года войска НАТО стали бомбить системы ПВО, аэродромы, военные заводы и армейские казармы Сербии и Черногории. В налетах приняло участие 300 самолетов.

Сообщали, что соотношение убитых среди военных к убитым среди гражданских лиц 1 к 10. Вокруг Белграда загорелся лес. Была взорвана фармацев-

тическая фабрика, и в городе опасались химического заражения. Генеральный секретарь НАТО Солана призывал завершить операцию к юбилейной сессии НАТО, назначенной на 25 апреля.

3 апреля американцы бомбили центр Белграда. Было уничтожено шестиэтажное здание министерства внутренних дел. 5 апреля сообщали о том, что в ходе бомбежек Белграда самолеты НАТО разбомбили ТЭЦ, обслуживавшую население в миллион человек. Предложения Югославии о временном прекращении огня по случаю Пасхи были отвергнуты Западом.

23 апреля авиация НАТО уничтожила белградский телецентр. К. Г. Мяло писала: “Особое внимание уделялось разрушению хранилищ нефти и нефтепродуктов, а также объектов энергетики, которую, по мнению экспертов, агрессор вообще стремился вывести из строя, для чего были применены... графитовые бомбы. Они вызывали короткие замыкания, обесточившие целые города (Белград и примерно 70% территории Сербии на много часов остались без электричества и водоснабжения)”.

7 мая было разбомблено посольство Китайской Народной Республики. Несколько работников посольства и журналистов погибли. Американцы очевидно мстили за “несотрудничество” китайцев: КНР отказалась поддержать проект резолюции Совета безопасности, санкционировавшей вмешательство Запада в Косово.

Несмотря на начавшийся 10 мая вывод войск Югославии из Косово, государственный секретарь М. Олбрайт объявила, что Югославия должна выполнить все требования НАТО. Бомбежки усилились. В середине мая сообщали, что самолеты НАТО стали ниже опускаться, так как летчики были уверены в том, что они разгромили систему ПВО Югославии, и зенитки и ракеты им уже не угрожали.

В книге К. Г. Мяло сказано: *“Всего в агрессии против Югославии активно участвовали 10 наиболее развитых стран (из 19 стран НАТО); им было предоставлено 1100 самолетов, а также другое совершенное оружие. Авиация НАТО совершила 25 200 вылетов над территорией Югославии, сбросив 25 тысяч тонн взрывчатки... Самолеты НАТО использовали в Югославии начиненные слабо обогащенным ураном бомбы в восьми городах на юге Югославии... Бомбы с урановыми сердечниками сбрасывали в Косово, где образовался широкий пояс отравления местности... Хотя такое же оружие уже применялось во время войны в Заливе, в Косово масштабы его применения поистине впечатляют: 40 тысяч боеголовок с обедненным ураном!”*

Война против Ирака, развязанная правительством Буша-младшего в 2003 году, также велась с применением средств, обеспечивавших возможность американским вооруженным силам уничтожить не только полностью живую силу и технику, но и инфраструктуру городов. В то же время было очевидно, что к этому времени мощность средств уничтожения, к которым прибегли американцы, еще более возросла.

Налет на Багдад в ночь с 21-го на 22 марта 2003 года превзошел по взрывной мощности бомбардировки Второй мировой войны. В первые же дни войны в результате разрушения водопровода и электростанций город Басра с 5-миллионным населением оказался без питьевой воды. Люди были вынуждены черпать нечистую воду прямо из реки. Басру постоянно бомбили кассетными бомбами, каждая из которых разрывалась на 200 маленьких бомб. 1 апреля передавали о тяжелых боях в Эн-Насирии, Эн-Наджафе, а также о продвижении войск коалиции к окраинам Багдада. В ходе бомбардировок и обстрела гражданских машин погибло множество мирных жителей. Было выведено из строя электроснабжение столицы.

Развал армии Ирака не означал прекращения сопротивления оккупантам. В свою очередь оккупанты прибегали к проведению жестоких “зачисток”, налетам на мирные кварталы, пыткам взятых в плен. В мае 2004 года были опубликованы фотографии, на которых были запечатлены факты надругательства над заключенными в иракской тюрьме Абу-Грейб. 5-ю годовщину начала войны в Ираке 19 марта 2008 года Америка встретила мощными демонстрациями протеста. Демонстранты напоминали о почти 4 тысячах погибших американских солдат и почти миллионе уничтоженных иракцев. Они несли плакаты, на которых было написано, что за 5 лет США потратили на войну в Ираке полтриллиона долларов. Комментаторы замечали, что против интервентов в Ираке сражается около 40 тысяч партизан, что около 200 тысяч людей активно поддерживают их боевые действия.

Однако правительство США продолжает вести войну, приносящую смерть и разорение народу Ирака. Несмотря на то, что со времен первых войн против индейцев прошло 400 лет, американцы мало изменили свои методы покорения стран и народов. Превращение городов в “лунные пейзажи”, уничтожение людей и всего живого с помощью современной техники не мешало американцам прибегать к пыткам, использовавшимся еще в древней Ассирии. Главная цель оставалась прежней – “освободить” покоряемые земли от той жизни, которая существовала до прихода американцев.

Американское пространство расширяется

Борьба американцев за уничтожение людей иных культур, их творений и даже окружающей их природы позволяет предположить, что милитаризованное государство, управляемое военно-промышленным комплексом, представляет собой антигуманное и даже антиприродное явление. В маршрутах, по которым направлялась американская экспансия по планете, в порядках, устраиваемых американцами на захваченных землях, проявлялись тенденции к жесткой прямолинейной рациональности, глубоко чуждой сложностям человеческого характера и природе вообще.

Словно продолжая маршруты “Мэйфлауэра” и других судов, на которых плыли иммигранты через Атлантический океан, колонисты устремлялись вперед на Запад по американскому континенту. Затем от Атлантического до Тихого океана были проложены прямые, как стрелы, железные дороги, пересекавшие горы, реки, древние тропы зверей и охотников. По этим прямым путям двигались на Дальний Запад поезда и пассажиры. Когда им встречались на пути стада бизонов, они стреляли по животным, не покидая своих вагонов.

Таковыми же прямыми линиями вытягивались на запад границы ряда штатов. Линия, проведенная строго по географической параллели, разделила первые американские штаты на рабовладельческие и “свободные” (так называемая линия Мейсона-Диксона). Безупречно прямая линия, проведенная по 49-й параллели северной широты, отделила США от большей части территории Канады.

Потом на западе страны появились почти безупречно прямоугольные штаты. Казалось, что американцы перенесли на землю сетку географических координат, а затем разделили ее, словно чистый лист бумаги, прямыми границами по линиям земных меридианов и параллелей. В этой склонности различивать земную сушу прямыми линиями проявлялись черты покорителей Мирового океана, готовых избирать прямые пути, желательно по параллелям или меридианам. Так же чертили земли английские колонизаторы в Канаде и в Австралии.

В то же время в прямых линиях административных границ проявлялась рациональность товарно-денежных отношений. Поскольку с этой точки зрения природная среда имела лишь товарную значимость, землю и всё, находившееся на ней, американцы делили на геометрически правильные участки, чтобы удобнее было вычислять их денежные эквиваленты. Покоряемые земли приобретали вид квадратиков, как в игре “Монополия”, созданной в США в 30-х годах XX века.

Внутри прямоугольных штатов строились города, покрытые прямоугольной сетью улиц. В отличие от европейских городов, улицы часто не имели названий и шли друг за другом в цифровом или буквенном порядке. Вдоль этих улиц строили одинаковые домики, представлявшие, по словам авторов “Одноэтажной Америки” И. Ильфа и Е. Петрова, “двухэтажные кубы”. Проехав сотни американских городских поселений, писатели пришли к выводу, что “почти все американские города похожи друг на друга”. Кроме того, они замечали, что “достаточно побывать в одном” американском кубическом домике, “чтобы знать даже, какая мебель стоит в миллионах других домиков, знать даже, как она расставлена. В расположении комнат, в расстановке мебели – во всем этом существует поразительное сходство”.

В этих домах жили люди, старательно подражавшие друг другу в соблюдении норм “американского образа жизни”. Принцип “не отстать от Джоунсов”, то есть соседей, стал диктовать потребление. Потом социологи на примере американцев изучали конформизм современного общества, а многие писатели поражались и возмущались стандартной примитивностью самодовольных обывателей, вроде персонажей романа “Главная улица” Синклера Льюиса и его же Бэббита из одноименного романа.

В крупных городах США по их прямым улицам выстраивались устремленные ввысь прямоугольные небоскребы. В своих воспоминаниях Л. Трочкин назвал очаровавший его Нью-Йорк «сказочно-прозаическим городом капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах нравственная философия доллара. Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи».

В Вашингтоне, территория которого представляет собой идеальный квадрат, к прямоугольному порядку улиц и домов была добавлена сеть из диагоналей. В центральной части Вашингтона располагаются величественные памятники (мемориалы) президентам США. В самом центре столицы стоит гигантский четырехгранный столб, увенчанный четырехгранной пирамидой, — памятник первому президенту США Джорджу Вашингтону. Здесь — полюс Американского Мира. Ровные линии, идущие от монумента на четыре стороны, делят столицу на четыре квадрата: северо-восточный, северо-западный, юго-восточный и юго-западный.

Впечатление, что существующие в США порядки продуманы с математической точностью и предназначены служить до бесконечности, усиливается постоянным использованием порядковых числительных для обозначения веков в Американском Пространстве и Американском Времени. Порядковые номера имеют не только улицы американских городов, но также отдельные штаты, президенты США, а также поправки к Конституции США. Неизменность сроков проведения выборов, собрания выборщиков президента, открытия первой сессии конгресса нового созыва, инаугурации президента создает ощущение незыблемости Американского Пространства и Американского Времени. Нерушимость этих традиций и порядков позволяет видеть в Соединенных Штатах подобие раз и навсегда запущенного безупречного механизма, наподобие вечного двигателя, годного для употребления во всем мире.

Остальной мир, непрямолинейный и нестандартный, не размеченный и не включенный в американскую систему исчисления, вызывал, с одной стороны, презрение, а с другой стороны — страх у значительной части американского населения. Стремление преодолеть эти негативные эмоции порождало желание упорядочить «дикий мир», ввести в его систему американских координат.

Успехи американцев усиливали их веру в уникальную правильность своих рациональных порядков, установленных со времени создания первых колоний, а затем закрепленных в Конституции США. Излагая программу переустройства мира по-американски, сенатор Беверидж заявлял в 1900 году: «Мы должны основать по всему миру торговые посты как пункты распространения американских товаров. Мы должны покрыть океаны нашими торговыми судами. Мы должны выстроить флот, соответствующий нашему величию. Большие самоуправляющиеся колонии, несущие наш флаг и торгующие с нами, выростут возле наших торговых постов... И американское право, американский порядок, американская цивилизация и американский флаг укрепятся на доселе мрачных, залитых кровью берегах».

Если верить Бевериджу, то за пределами американских владений располагался «мрачный», «залитый кровью» мир. Его народы погрязли в невежестве и нищете, томясь под властью маниакальных тиранов, не признающих принципов американской демократии, свободного предпринимательства и основ протестантского вероучения. Неамериканский мир воспринимался американцами как царство хаоса, так как он был устроен не по принципам Американского Пространства и Американского Времени.

Наступая на «дикую природу», американцы навязывали ей порядок, казавшийся им рациональным и единственно правильным. Эту сторону мышления своих соотечественников высмеял Фенимор Купер, создав в своем романе «Прерия» образ доктора Овида Батциуса. Доктор не признавал явления природы, не укладывающиеся в его прямолинейные теоретические представления, а потому считал гремучую змею ошибкой природы и полагал, что в строении бизона «имеется кардинальный недочет... Если бы одну пару его ног заменить вращающимися рычагами, животное было бы вдвое менее подвержено усталости».

Созданный американцами мир стал пожирателем внешнего пространства. С самого начала существования США правящие круги заговорили о необходимости расширить границы. Они писали и произносили речи об американских «естественных границах», «географической симметрии» и даже «Божественном предначертании», объясняя необходимость включения в состав Штатов сосед-

них стран. Так, член палаты представителей от Кентукки Тримбол изрекал в 1819 году в конгрессе: “Отец Вселенной со свойственным ему провидением дал естественные границы каждому континенту и королевству, каждой нации для защиты от вторжения – постоянные, вечные физические барьеры... Великий строитель Вселенной определил естественные границы и нашей страны, и человек не может их изменить, это, по крайней мере, вне полномочий, на основе которых заключаются договоры. К этим границам мы должны стремиться, если возможно мирно, в случае необходимости с применением силы”.

Министр финансов в первом правительстве Вашингтона Александр Гамильтон в 1787 году в программном сочинении “Федералист” призывал, чтобы Штаты, “связанные вместе в прочном и нерасторжимом союзе, объединились в создании великой американской системы, недоступной для чьего бы то ни было влияния с другого берега Атлантического океана и способной диктовать условия отношений Старого и Нового Света”.

Еще раньше, в 1786 году, посол США во Франции Томас Джефферсон заявил одному из своих друзей: “Нашу конфедерацию следует рассматривать как гнездо, из которого вся Америка, Северная и Южная, должна быть заселена. Мы обязаны, в интересах всего великого континента, держать его в своих руках, вырвав у испанцев”.

Тогдашний руководитель внешней политики США С. Адамс утверждал: “Мы не упрочим своего положения до тех пор, пока Британия не уступит нам того, что указующий перст Природы предназначил нам для обладания, или до тех пор, пока мы не вырвем у нее этих владений”. Как подчеркивал советский историк Юрий Мельников, “Адамс имел в виду Канаду и другие территории, не входившие в 13 первоначальных штатов Америки”.

В письме выдающемуся немецкому ученому Александру Гумбольдту Томас Джефферсон декларировал: “Европейские страны образуют отдельную часть земного шара; их местоположение делает их частью определенной системы; они имеют круг своих собственных интересов – никогда не вмешиваться в которые составляют нашу задачу. **Америка имеет для себя полушарие.** Она должна иметь свою отдельную систему интересов, которые не должны быть подчинены интересам Европы”.

Программа расширения американских границ за счет стран Латинской Америки стала воплощаться в жизнь вскоре после свержения испанского владычества в этом регионе. США пытались воспользоваться крушением испанской колониальной империи для расширения своих владений.

Провозглашая 2 декабря 1823 года свою доктрину, президент Д. Монро говорил, что “искренние и дружественные отношения между Соединенными Штатами” и европейскими странами мира “обязывают нас заявить, что мы будем рассматривать любую попытку с их стороны распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности”.

Победа США над Испанией в ходе американо-испанской войны 1898 года, захват Филиппин и других земель в Тихом океане и Карибском море вызвали новый подъем шовинистических настроений в Америке. После подписания Парижского договора в американской газете появилась картинка: на географической карте 1898 года был изображен орел из государственного герба США. Правое крыло орла касалось вновь приобретенных островов в Тихом океане, конец его левого крыла дотрагивался до Кубы и Пуэрто-Рико. Подпись под картинкой гласила: “Десять тысяч миль от одного кончика крыла до другого”. Для контраста тут же была помещена другая картинка, показывающая мир, каким он был сто лет назад: тогда орел значительно меньших размеров касался одним крылом Миссисипи, а другим – побережья Атлантики. Логично было предположить, что через сто лет весь мир окажется под сенью крыльев американского орла.

Не удивительно, что правящие круги США делали все от них зависящее, чтобы границы Американского Пространства постоянно расширялись. 9 апреля 1947 г. Объединенный комитет начальников штабов года издал секретный документ, из которого можно было узнать географические пределы “периферии США”. В документе говорилось: “Районы, на которые распространяются оборонительные обязательства США, охватывают наземное и водное пространство примерно от Атлантики до Филиппин и Австралии в Тихом океане и от Гренландии до Бразилии и Патагонии в Атлантическом океане. В это пространство входит 40% земной суши”.

Было очевидно, что к 1947 году США включили в зону своих интересов не только весь Американский континент с Гренландией, но и весь Тихоокеанский регион. Американский орел распахнул свои крылья над всем Западным полушарием и частью Восточного.

Через 10 лет границы Американского Пространства стали еще шире. Разъясняя смысл “доктрины Эйзенхауэра” 1957 года с точки зрения войны против СССР, военный обозреватель Х. Болдуин писал: “Доктрина Эйзенхауэра фактически означает, что наша граница находится ныне на Кавказе”. Получалось, что крыло американского орла должно было далеко протянуться в Восточное полушарие и достичь Кавказских гор.

В своем послании конгрессу от 23 января 1980 года Джими Картер сделал “серьезное предупреждение” Советскому Союзу о недопустимости его вмешательства в дела стран Персидского залива. Он говорил: “Любая попытка какой-то силы извне заполнить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как покушение на сферу жизненных интересов Соединенных Штатов, она будет отражена с применением всех необходимых средств, включая военную силу”.

Хотя в послании Картера не были указаны границы “района Персидского залива”, из его содержания следовало, что, наряду с Европой и североатлантическим регионом, в сферу “жизненно важных интересов США” были включены Дальний Восток, Южная, Юго-Западная и Юго-Восточная Азия, Ближний и Средний Восток. Получалось, что под крыльями американского орла находится большая часть земного шара.

Министр обороны США в правительстве Р. Рейгана Каспар Уайнбергер в 1981 году так определил сферу “жизненных интересов” США: “Мы, как и наши партнеры, должны считаться с возможностью обменов ударами в таких далеко отстоящих друг от друга районах, как Персидский залив, Центральная Европа, Африка, Восточная Азия и Центральная Америка”.

Крушение СССР не остановило стремления США к расширению их границ. В книге “Великая шахматная игра”, написанной в 1997 году, Збигнев Бжезинский предлагал воспользоваться геополитической теорией директора лондонской школы экономики сэра Халфорда Маккиндера, выдвинутой им в 1904 году в докладе “Географическая ось истории”. Бжезинский напомнил суть этой теории: “Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем Земли; тот, кто правит Сердцем Земли, владеет Мировым Островом (Евразией); тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром”. Первоначально Маккиндер ограничил пределы “Сердца Земли” полосой степей, полупустынь и пустынь от Южной Украины до Маньчжурии. Впоследствии он существенно расширил границы Страны-Сердцевины, включив в ее состав также Балтийское море, судоходную часть Среднего и Нижнего Дуная, Черное море и прилегающие к ним земли, всю Российскую империю, Малую Азию, Иран и Тибет. Теперь Бжезинский предлагал установить контроль над “Страной-Сердцевинной”.

Приверженец прямолинейного мышления Бжезинский увидел в Евразии “шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство... Ближайшая задача, — писал он, — заключается в том, чтобы удостовериться в том, что ни одно государство или группа государств не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра”.

С этой целью Бжезинский предлагал принять особые меры для расширения НАТО под американским контролем. Он писал: “Расширенные Европа и НАТО будут способствовать реализации краткосрочных и долгосрочных целей политики США. Более крупная Европа расширит границы американского влияния — и через прием в новые члены стран Центральной Европы также увеличит в европейских советах число государств с проамериканской ориентацией”. Бжезинский подчеркивал: “Хотя установление основанных на сотрудничестве отношений с Россией, безусловно, желательно, тем не менее для Америки важно открыто заявить о своих мировых приоритетах. Если выбор необходимо сделать между более крупной евроатлантической системой и улучшением отношений с Россией, то первое для Америки должно стоять несравнимо выше”.

В то же время Бжезинский предлагал России “определиваться” и давал совет: “Российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы”. Для

этого Бжезинский предлагал России “децентрализоваться”. Он уверял, что “России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России”.

Одновременно Бжезинский предлагал активизировать политику США в других государствах СНГ. Он писал: “Оказание политической и экономической помощи основным, вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии. Укрепление суверенной Украины – крайне важный компонент этой политики, так же, как и развитие более тесных связей с такими стратегически важными государствами, как Азербайджан и Узбекистан, помимо более общих усилий, направленных на открытие Средней Азии (несмотря на помехи, создаваемые Россией) для мировой экономики”. В последующие десять лет мир стал свидетелем того, как стали реализовываться планы Бжезинского относительно беспредельного расширения Американского Пространства.

После завершения “холодной войны” американские правящие круги исходят из установления их полного контроля над земным шаром. Вот строки из книги Збигнева Бжезинского “Мировое господство или глобальное лидерство”, написанные уже после событий 11 сентября 2001 года: “Необходимо признать главенствующую роль США в мировых делах и сосредоточие в Вашингтоне глобальных институтов, отражающих историческую связь между глобальной мощью США и глобальной взаимозависимостью в век мгновенной связи... Мировая столица появилась... на берегах реки Потомак в Вашингтоне – первая глобальная столица в мировой истории. Ни Рим, ни древний Пекин – бывшие столицами региональных империй, ни даже викторианский Лондон... не приблизились к тому средоточию глобальной мощи и возможностям принятия решений, которые теперь сосредоточены в нескольких кварталах центральной части Вашингтона”.

В то время как турист в центре Вашингтона видит, прежде всего, храмоподобные памятники американским президентам, Бжезинский обнаруживает в квадратах и диагоналях американской столицы треугольники (столь часто используемые в масонской символике), в которых, по его словам, заключена американская власть над миром: “Решения, принимаемые внутри отчасти перекрывающих друг друга очень четко ограниченных треугольников, распространяют американскую мощь на весь мир и весьма существенно влияют на то, как идет процесс “глобализации”. Линия, прочерченная от Белого дома до монументального здания Капитолия, затем к напоминающему крепость Пентагону и обратно к Белому дому, образует периметр этого треугольника власти. Другая линия – от Белого дома до расположенного в нескольких кварталах от него Всемирного банка, затем к Государственному департаменту и обратно к Белому дому (это пространство также включает Международный валютный фонд и Организацию американских государств) – обозначает треугольник глобального влияния. Взятые вместе, эти два треугольника свидетельствуют о том, до какой степени “мировые дела” в их традиционном понимании стали для Вашингтона внутренними делами, замкнутыми в пределах его окружной дороги”.

Если верить Бжезинскому, то мечты “святых” пилигримов, а затем членов масонских лож в предназначение Америки стать лидером планеты реализовались. Бжезинский уверен, что мир теперь управляется из вашингтонских “треугольников власти” и подчинен рационалистической, геометрически правильной американской системе.

* * *

В своей спесивой самонадеянности Бжезинский и другие апологеты американской политики не видят того, что, как и любой бесконечно раздуваемый пузырь, Американское Пространство может в один прекрасный момент лопнуть. Неизменность политических целей и методов, сложившихся несколько веков назад, привела к тому, что “вечная война” США против народов планеты стала причиной нарастающего сопротивления американской гегемонии. Установление американского диктата даже над малой страной становится не

под силу США. Нынешнее неустойчивое положение американской экономики в значительной степени вызвано обострением противоречия между экспансионистскими планами США, сопротивлением других стран мира и целых его регионов американской гегемонии, неспособностью американской системы покорить даже сравнительно малые и экономически слабые страны.

Тулик, в который зашли США, породил у американцев стремление резко поменять политический облик страны. Об этом свидетельствует победа на президентских выборах кандидата от демократической партии чернокожего сенатора Барака Обамы. Его лозунгом стало требование “перемен”. В своих зарубежных поездках Обама уверял, что обновленные Штаты будут отныне проводить разумную политику в интересах всеобщего мира и справедливости.

Однако ни экономический кризис, ни политические маневры не снижают уровень угрозы, исходящей от США. Исторический опыт свидетельствует о том, что руководство США всегда искало выход из своих внутренних и внешних трудностей в еще большем нагнетании международной напряженности, усилении гонки вооружений, провоцировании новых военных авантюр. В ответ на растущее сопротивление народов мира американской гегемонии США могут применить всю свою колоссальную вооруженную мощь. Чем отчаяннее будет ситуация для американских позиций в том или ином регионе, тем авантюристичнее могут стать военные действия американского руководства. Наличие же у США огромного потенциала средств разрушения и уничтожения людей делает американскую угрозу смертельно опасной для народов планеты.

Угроза для других стран мира, исходящая от США, усугубляется тем влиянием, которому они подчинили значительную часть планеты. Вера в превосходство американского образа жизни, опирающаяся нередко лишь на привязанность к товарам американского экспорта или изделиям американской массовой культуры, гипнотизирует миллионы людей на планете. Многие за пределами США слепо приняли американские ценности, а вместе с ними навязываемый американской пропагандой упрощенный взгляд на мир, деление его на “хороших ребят” (те, кто следует за Америкой) и “плохих” (те, кто выступает против ее гегемонии).

Лишь меньшинство стран мира решается бросить вызов доллару, хотя страны, “сидящие на долларовой игле”, не учитывают того, что ныне доллар плохо обеспечен, и экономика США может рухнуть вместе с “зеленым”. Лишь немногие страны последовательно отвергают американские претензии на идейно-политическую гегемонию. Вольно или невольно подавляющее число государств земного шара послушно повторяют лживые версии, сфабрикованные в государственном департаменте для оправдания агрессивной политики США. Вследствие этого ООН и ее члены не сумели дать отпора американской агрессии против Югославии, Ирака, Афганистана и других стран. Хотя в мировом общественном мнении усиливается сопротивление американской агрессивной политике, этот протест зачастую не носит последовательного характера. А правительства, связывающие дальнейшую судьбу своих стран с пребыванием в НАТО, из кожи лезут вон, чтобы продемонстрировать свою лояльность Америке.

Разумеется, постоянная агрессивность великой державы не является чисто американским явлением. Достигнув вершин в экономическом и научно-техническом развитии, США добились того, что оказалось не под силу другим державам мира, которые также стремились к мировому господству – подчинения значительной части планеты своей власти. Зная об истории войн, а также подрывной деятельности США против народов земного шара, нельзя проявлять безмятежную беспечность, слепо полагаясь на заявления США об их стремлении к миру, демократии и справедливому международному порядку. Отношения с Соединенными Штатами должны строиться, исходя из взвешенной и трезвой оценки их поведения на протяжении всей их истории.

В противном случае ослепленные американскими миражами и ведомые вашингтонскими поводырями, великие и малые державы мира могут сорваться в пропасть чудовищных войн и глобальных катастроф, порожденных авантюристами из “треугольников власти” Вашингтона. Ныне, как никогда, важно, чтобы люди на планете осознали подлинную сущность американской угрозы миру и ее роковую опасность.